

ЭТНОЛОГИЯ

ЖИВОТНОВОДСТВО В ГЛУХИХ РАЙОНАХ ЮЖНОЙ ТАЙГИ: ОПЫТ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В.Н. Адаев

Рассмотрены содержание и механизм адаптационных процессов в животноводческом хозяйстве поселенцев (русские, чуваша, поляки) южно-таежных территорий, удаленных от главных речных артерий. Представлены проблемы доставки животных, кормовой базы, защиты от кровососущих насекомых, соседства диких животных, домашней ветеринарии, содержания племенных быков. Сделан вывод о важной роли крестьянского животноводства в формировании экономически надежного хозяйственного комплекса, ставшего в итоге общим как для переселенческих народов, так и для местных народов Севера.

Таежное скотоводство, переселенцы, хозяйственная адаптация, Демьянка, Туртас, Среднее Прииртышье.

Введение

Вопросы хозяйственной адаптации этнических групп, переселившихся в Западную Сибирь в конце XIX — первой четверти XX в., относятся к привычной проблематике исследований в последние десятилетия [Коровушкин, 2006; Повод, 2006, 2008; Фурсова, 2000; Шелегина, 2005; Шпорт, 1987; и др.]. При этом одному из интереснейших аспектов данной сферы, а именно адаптации производящих отраслей хозяйства в экстремальных условиях глухой тайги¹, не уделялось пока должного внимания. Исключение составляют работы омских специалистов, посвященные опыту освоения белорусскими и немецкими переселенцами урманных территорий Тарского округа [Бережнова, 2009; Бетхер, 2003; Вибе, 1997]². Однако, во-первых, в них рассматриваются не самые удаленные вглубь тайги поселения, а во-вторых, не учитывается, что сам процесс освоения земель не всегда был успешным. По сути дела, белорусы и немцы оказались на северной окраине Тарского округа волей случая, так как получали свои земельные наделы уже в условиях дефицита удобных для заселения участков (см. [Бережнова, 2009, с. 32, 34]). Соответственно неосвещенными остались примеры успешного освоения более удаленных на север и изолированных районов тайги, переход в которые был осуществлен в результате осознанного выбора людей.

В данной работе представлен опыт адаптации животноводческого хозяйства в условиях глухих таежных территорий по притокам Нижнего Иртыша (рр. Демьянка и Туртас), реализованный выходцами из Омского Прииртышья в XX в. Переселенцы относились к разным этническим группам, большинство из которых составляли русские, чуваша и поляки. В местах переселения они сталкивались с весьма сложными условиями для содержания скота: недостаток пастбищ и покосов, высокая активность гнуса, опасность нападения таежных хищников и др. Нередко отдельной проблемой становилась сама доставка животных к местам нового жительства. Тем не менее в 1920–1940-е гг. многие семьи решались на такой переезд: одних к этому подталкивало желание скрыться от глаз властей, других манила перспектива доходного охотничьего и рыболовного промысла. Причем, как ни парадоксально, рассматриваемые далее материалы подтверждают, что промысловая деятельность таежных поселенцев не только вписывалась в единый хозяйственный комплекс со скотоводством, но и могла способствовать его развитию.

¹ Используемые в данной работе термины «глухая тайга», «урманная тайга» удобны в силу своей краткости. Здесь под ними понимаются труднодоступные и значительно удаленные от густонаселенных мест таежные территории.

² Анализ экономики переселенческих хозяйств данной территории было посвящено также несколько работ начала XX в. [Букейханов, 1908а, б; Юферев, 1907].

Животноводство в глухих районах южной тайги: опыт переселенцев из Среднего Прииртышья...

Цель настоящей работы — изучение содержания и механизма адаптационных процессов в животноводческом хозяйстве переселенцев в условиях территорий южной таежной зоны, удаленных от главных речных артерий. В центре внимания находятся коллективы переселенцев из Прииртышья (Усть-Ишимский, Тевризский и Тарский районы современной Омской области), которые, уходя на север, осваивали земли в бассейнах рек Туртас и Демьянка (Уватский район Тюменской области).

Хронологические рамки исследования определены, с одной стороны, начальным рубежом заселения глухих таежных территорий (1920-е гг.), с другой — временем утраты существенной изоляции этих территорий (1960-е гг.).

Одним из важнейших источников для исследования стали полевые материалы, собранные в этнографических экспедициях: в Уватский район Тюменской области (2000, 2002–2004, 2005а, б, 2006, 2007а, б, 2011), Усть-Ишимский, Тевризский (2005, 2010, 2011) и Тарский районы (2012) Омской области. В ходе полевых работ велась запись воспоминаний людей, производилось копирование семейных фотоархивов, с привлечением географических карт уточнялась локализация поселений и направления переселенческих маршрутов.

Заселение территории

Схема на рис. 1 наглядно демонстрирует, что проникновение иртышских жителей в бассейны Демьянки и Туртаса шло с двух главных направлений: западного и южного. С запада, с территории Уватского Прииртышья, заселялись главным образом низовья вышеуказанных рек, с юга, из района Омского Прииртышья, — среднее течение и верховья.

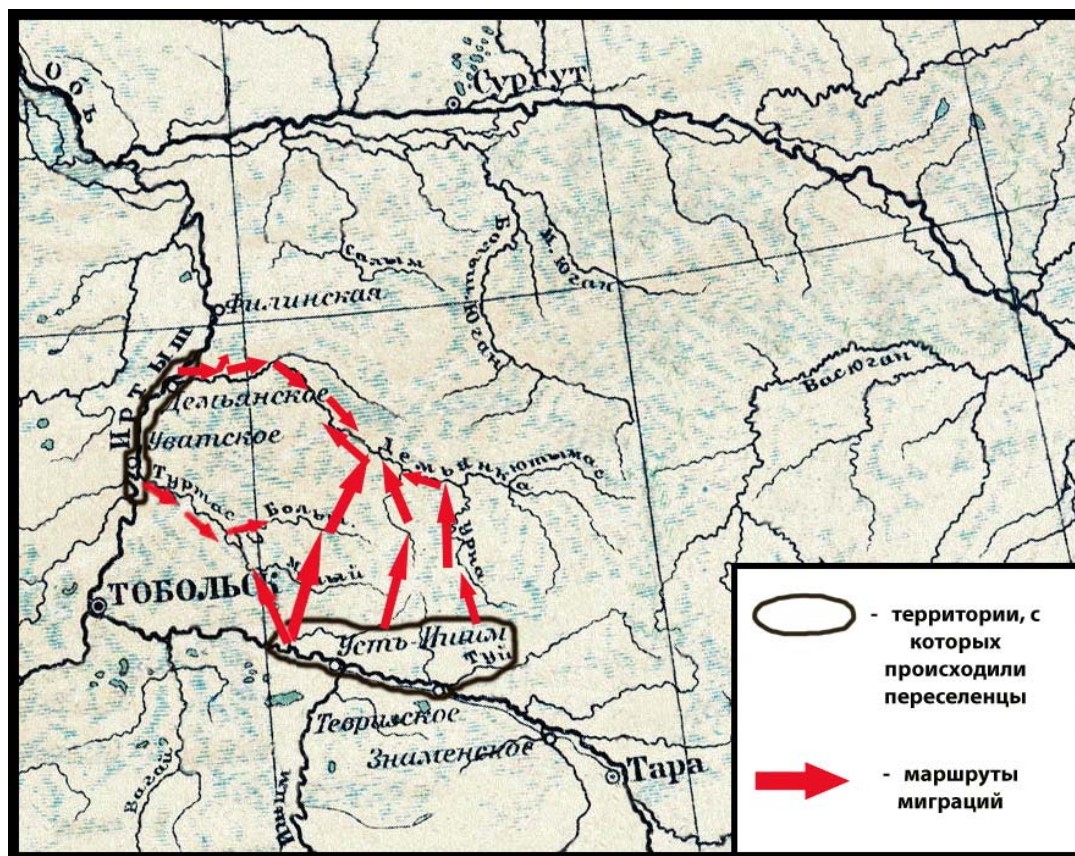

Рис. 1. Схема заселения территории рр. Демьянки и Туртаса жителями иртышских селений в XX в.

В данной работе основное внимание уделяется переселенцам из Омского Прииртышья, так как они осваивали наиболее труднодоступные таежные территории речных долин и сами маршруты, по которым они переселялись и завозили скот, были чрезвычайно сложными. Достаточно сказать, что при освоении низовьев рек жители Уватского Прииртышья с успехом использо-

вали водные артерии (на протяжении нескольких сот километров от устья Демьянка и Туртас являются судоходными), а также веками действовавшие надежные зимники, проложенные в основном по речному руслу и коренной прибрежной части. Население же Омского Прииртышья проникало на северные территории, преодолевая труднопроходимые пересеченные ландшафты вдоль небольших рек и обширные заболоченные ареалы, протяженностью от нескольких десятков до сотен километров. Особенно сложными были условия передвижения в летний (бесснежный) сезон. Подробнее вопрос условий путей сообщения будет освещен далее.

Первая волна переселенцев появилась на Туртасе и Демьянке в 1920–1930-е гг. в связи с отменой территориальных ограничений на промысел в «инородческих вотчинах» [Васильев, 1929, с. 35]. Владельцами «вотчин» были местные представители народов Севера: в низовьях рек проживали южные ханты (туртасские и демьянские соответственно), к тому времени уже в значительной степени ассимилированные русскими, по среднему и верхнему Туртасу кочевали несколько семей эвенкийских оленеводов, а оставшаяся часть Демьянки служила промысловыми угодьями для хантов-олленеводов с р. Большой Юган. Важно отметить, что в низовьях обеих рек переселенцы вступали в острую конкуренцию с местными хантами, фактически вытесняя их с охотничьих и рыболовных угодий, селясь непосредственно в их поселках или по соседству. В среднем и верхнем течении Демьянки и Туртаса ситуация складывалась по-иному. Местные оленеводы и пришлое население занимали «разные экологические ниши»: первые предпочитали селиться на мелких речных притоках и близ озер, расположенных на водораздельных болотах, вторые — по основному руслу рек и их крупным притокам (см. подробнее: [Адаев, 2010]). Кроме того, плотность населения в этой части речных бассейнов была в несколько раз ниже, чем в низовьях.

Первые переселенцы в основном были представлены сибирским старожильческим населением (русские, поляки³), которое с XIX в. активно занималось сезонным промыслом в тех же районах Демьянки и Туртаса. Многие из сибирских старожилов довольно быстро перешли там на охотничье-рыболовецкую модель хозяйствования своих хантыйских и эвенкийских соседей, однако чаще всего, даже отказавшись от земледелия, они продолжали содержать домашний скот. Дополнительным стимулом к переселению людей в тайгу, как указывалось выше, нередко становились опасения репрессий, раскулачивания, нежелание вступать в колхоз и т.п. Основным убежищем в таком случае обычно становилась Демьянка, как наиболее удаленная и практически не контролируемая властями в тот период территория. Именно туда в 1930-х гг. бежали от преследования властей и несколько семей чувашей из Омского Прииртышья. Они поселились в среднем течении реки и практиковали хозяйственную модель, сочетавшую земледелие и скотоводство с охотничье-рыболовецким направлением деятельности.

Отстраненное отношение к советской власти у подобного контингента таежных переселенцев ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда с верхней и средней Демьянки практически никто не отозвался на мобилизационный призыв. Для сбора населения на фронт в 1942–1943 гг. проводились специальные милицейские рейды, во время которых, кстати, у местных жителей конфисковали всех лошадей. Некоторые оставшиеся без мужчин семьи в 1940-е гг. вынуждены были выехать из тайги. В частности, тогда покинули Демьянку жившие там поляки. В 1940–1950-х гг. на Демьянке и Туртасе появилась большая группа поздних славянских переселенцев в Сибирь, которая осела главным образом в низовьях рек. Максимальная численность переселенцев, проживавших в бассейне средней и верхней Демьянки, в 1950-е гг. достигала около 120 чел. Число переселенцев в верховьях и среднем течении Туртаса в это же время составляло не менее 50 чел. В 1970–1980-е гг., с закрытием на реке магазинов, пунктов приема пушнины и школ, большинство населения покинуло обе таежные реки.

Как видим, общая численность переселенцев в глухих таежных районах Демьянки и Туртаса даже на уровне максимальных показателей (около 170 чел. в 1950-е гг.) оставалась крайне невысокой для столь обширной территории (около 40 000 км²). Особенно ярким выглядел этот диссонанс на фоне расположенного южнее густозаселенного Омского Прииртышья, значительная часть которого в 1920–1940-е гг. вместе с примыкающим ареалом средней и верхней Демьянки принадлежала к одной административно-территориальной единице — Тарскому округу. На это обратили внимание в начале 1930-х гг. и исследователи хозяйственно-экономического со-

³ Поляки-переселенцы здесь отнесены к сибирскому старожильческому населению, так как их предки были сосланы в Сибирь еще в 1860-х гг. после очередного польского восстания (см.: [Фатеев, 1996, с. 100]).

стояния Омского Прииртышья. Они писали, что на севере Тарского округа основная масса населения сконцентрирована в узкой 20–30-километровой полосе вдоль Иртыша, в то время как расположенная на самой северной окраине округа система р. Демьянки «представляет собой совершенно необжитую местность, занятую болотами и тайгой» [Проблемы освоения..., 1935, с. 207].

Состав домашних животных

Основными домашними животными переселенцев были коровы, лошади, овцы, свиньи и куры. По воспоминаниям жителей Демьянки⁴, в 1930-е гг. на одно местное хозяйство приходилось в среднем 1–2 коровы и лошадь. Многие держали овец — обычно около 5–10 голов. Значительно реже разводили свиней и кур (известные примеры — 2–3 свиньи и 10–15 кур на один двор). Как правило, это были хозяева, которые еще активно занимались земледелием. Таковых на Демьянке было не более трети, на Туртасе же, судя по косвенным данным, земледелие вообще не получило серьезного развития.

Важно отметить функциональную специфику таежного животноводства: корова в основном ценилась как источник молока и отчасти как тягловая сила, лошадь — в качестве транспортного и тяглого животного; овца — как источник шерсти и шкур для пошива одежды, а также мяса; свинья — источник мяса; курица — яиц.

Приведенные показатели по Демьянке и Туртасу о соотношении коров и лошадей на одно хозяйство в общем близки к данным по таежным поселениям на иртышских притоках Уй и Шиш в Тарском округе за 1900-е гг. [Букейханов, 1908а, с. 6; Юферов, 1907, с. 288–292] (это те, «не самые удаленные в тайгу поселения» округа, которые упомянуты в начале работы). Еще одним сходством ближних и дальних таежных регионов было то, что хозяйства, практиковавшие земледелие, с годами наращивали поголовье коров, и главным стимулом к этому являлась насущная необходимость удобрения полей. Так, одна из семей чувашей-земледельцев на Демьянке перед войной держала уже трех коров и быка, не считая телят, кроме того, у них было около 10 овец и пара лошадей [Сводные материалы...].

Отметим, однако, и существенные отличия скотоводства на Демьянке и Туртасе от скотоводства более южных таежных территорий Тарского округа. Во-первых, земледелие не только не составляло основу благосостояния демьянских и туртасских земледельцев, но и вообще практиковалось лишь меньшинством населения, а следовательно, принципиальная взаимосвязь скотоводства и земледелия была выражена заметно слабее. Во-вторых, скотоводство не имело товарного значения (за пределами внутреннего таежного ареала), а потому получали развитие некоторые направления, в более южных регионах тайги считавшиеся нерентабельными (выращивание овец), и одновременно существенно меньше развивались другие (выращивание свиней). В-третьих, ввиду охотничье-рыболовецкой специализации хозяйств и богатства местных природных ресурсов, мясное направление скотоводства уходило на второй план. В-четвертых, в связи со значительными расстояниями до прииртышских селений (до нескольких сот километров), куда демьянские и туртасские жители выезжали для приобретения товаров и продуктов, а также для сбыта рыбы, мяса, пушнины и кедрового ореха, чрезвычайно важным было наличие в хозяйстве лошади как транспортного животного.

Пользуясь особым, изолированным положением своего места жительства, переселенцы на Демьянке продолжали держать неучтенных государством лошадей и после введения в 1938 г. высокого налога на единоличные лошадиные хозяйства. Однако после 1943 г. лошади в их таежных поселениях практически исчезли. Имевшиеся, как упоминалось выше, были конфискованы для фронтовых нужд, а позднее многие таежники уже опасались их разводить. Прошедшие в 1940-х гг. милицейские рейды показали, что Демьянка стала досягаемой для государственных органов, и давать лишний повод для нового появления представителей власти казалось неразумным. Сама же конфискация лошадей для нужд фронта надолго запечатлелась в памяти таежников как драматическое событие: «*Коней тогда всех собрали, у всех. Сани и коня. У всех забрали. И у Воболесов, и у всех-всех, и у Смирнова, и всех забрали коней. Омская милиция забирала*» [Сводные материалы...].

⁴ Здесь и далее, если не будет указано специально, при упоминании ареалов Демьянки и Туртаса имеются в виду территории среднего и верхнего течения рек.

Не лишним будет добавить, что лошадь — единственное домашнее животное, нашедшее отражение в местной русской топонимии. Одно из озер близ демьянского селения Калемьяга носит название Конное. Известно, что от поселка до водоема была проложена конная дорога, по которой вывозили рыбу, что, возможно, и послужило поводом для названия.

Доставка животных

Основным способом доставки скота в тайгу был перегон по весеннему насту либо по зимникам, известны также случаи водной транспортировки животных на плотках. На расстояния до 15–20 км между таежными селениями скот могли перегонять по тропам и в летнее время, однако полномасштабная доставка животных с территории Омского Прииртышья в дальние районы тайги в бесснежное время была практически нереальной.

Как правило, переезд переселенцев в тайгу осуществлялся в несколько этапов. Предварительно нужно было определить место будущего поселения, расчистить территорию от леса, построить дом и хозяйственные постройки (включая пригоны и стойла), заготовить корм для скота — этот этап мог занять от нескольких месяцев до нескольких лет. Далее, в зимний период, следовало совершить несколько поездок, чтобы доставить гужевым транспортом необходимые вещи и запас продуктов (рис. 2). Только после этого завозили членов семьи и вели скот. Из рассказов переселенцев: *«Брат наш завозил. Он эти — продукты... до нас, мы еще не собрались, а он два раз за зиму и до этого продукты завез. По сколько-то там, на двух лошадях. 27 марта мы пришли. Мы же с коровами — на лошадях и с коровами приехали. Две коровы вели. Тогда у местных у всех лошади были дак, они подъезжали часто рыбу продавать, ягоды ли что — тогда дорога хорошая была. Я почти всю дорогу бежал»* [Сводные материалы...].

Рис. 2. Подводы на Туртасском зимнике, первая половина XX в. (из семейного архива Доброванова С.С.)

Заезд обычно происходил весной (в марте-апреле), при этом старались подобрать время с установившейся невысокой минусовой температурой и без осадков. В случае если часть маршрута пролегала в стороне от наезженных зимников, ждали установления надежного наста, «чтобы скотина поднималась» (т.е. могла идти, не проваливаясь в снег). Поселений на Туртасе жители Омского Прииртышья достигали за 1–2 дня пути, Демьянки — за 3–6 и более дней. На маршрутах через промежутки, соответствующие средним дневным переходам, имелись избышки или поселения, где можно было остановиться на ночлег. С собой обязательно везли большой запас сена, чтобы кормить скот в дороге.

Серьезную опасность представляли переходы через протяженные болотные пространства (были случаи, когда в пургу люди теряли дорогу и погибали), а также оттаявшие или незамерзшие водоемы. Из рассказов об условиях перехода болот: *«Потом дорога по болоту, справа лес стеной стоял. Конца-края не видать. Ехали на лошадях, их распрягали и оглобли привязывали во время ночевки стоймя, чтобы не занесло зимой телегу»* [ПМ Повод, 2005]. В долгой дороге могли произойти разные непредвиденные несчастья. За несколькими скупыми фразами, описывающими один из подобных неудачных переходов, стоит большая трагедия семьи

таежных переселенцев: «*Везли с собой коня и корову. Корова гулять в Зимнике (название поселка. — В. А.) захотела и ушла. Коня утопили*» [Сводные материалы...].

Единичные примеры доставки скота по реке на плотах были связаны с переездами уже внутри таежной территории. Сложность такой транспортировки заключалась в том, что таежные реки изобиловали мелями и завалами, поэтому нередко единственно возможным временем поездки становилось весеннее половодье. Подобные перевозки тоже были связаны с известным риском потерять или травмировать животных в дороге, тем не менее иногда переселенцы решались на такой шаг. Из воспоминаний современных демьянских жителей о своих предках: «*Скот везли на плоту, а Имгит — маленькая речка, тяжело было очень, но шли. Дед привез тогда с собой корову, нетель и двух овец*» [Сводные материалы...].

Летние перегоны коров в соседнее поселение по лесным тропинкам не были редкостью в отдельных районах тайги, и продиктованы они были насущной необходимостью: не в каждом селеении имелся свой бык, поэтому приходилось для спаривания приводить своих коров к соседям.

На этом фоне не менее экзотичной выглядела доставка скота в тайгу и в более поздний период, хотя для этого использовался уже современный транспорт: с 1970-х гг. некоторые таежники завозили в свои поселения телят на самолете или вертолете.

Условия таежного животноводства

В данном разделе будут рассмотрены вопросы, касающиеся кормовой базы животноводства, активности кровососущих насекомых, соседства диких животных, домашней ветеринарии и содержания племенных быков. Приведенные пункты особенно красноречиво характеризуют специфику содержания животных в таежных условиях.

Если рассматривать ситуацию с пастбищами и покосами в широком сибирском ракурсе, то следует отметить, что далеко не всегда скотоводство сталкивалось с большими трудностями в обеспечении кормовой базой в глухих районах таежной зоны. Так, например, в Восточной Сибири, на близких по широте с Демьянкой и Туртасом территориях верховьев р. Нижней Тунгуски, существовали значительные площади речных долин с хорошей травяной растительностью, что вполне благоприятствовало разведению скота русскими переселенцами [Копылов и др., 2009, с. 76–78]. В исследуемом же нами ареале положение было принципиально иным.

С самого начала перед переселенцами на Демьянке и Туртасе остро вставал вопрос о пастбищах и участках для покосов, это во многом определяло выбор конкретного места жительства в тайге. Скот обычно выпасался без присмотра, бродил по близлежащим лесным полянам и берегам водоемов. По шутливому выражению местных жителей, в этом случае «*медведь ластух был*» — домашние животные будто бы сами не разбегались далеко, чувствуя близость хищника. Для защиты от медведя в некоторых поселениях летом без привязи бегали охотничьи лайки. Кроме того, считалось, что зверь не трогает скот с боталом на шее, его, по всей видимости, отпугивает звон металла. Среди домашних животных, пожалуй, наиболее внимательно следили за сохранностью лошадей — их старались во время выпаса не выпускать далеко из поля зрения. Травы на окрестных полянах для скота, как правило, не хватало, поэтому для подкормки приходилось периодически привозить к дому траву, скошенную в других местах. На таежных лугах и полянах преобладали осока, пырей и метлица, представляющие в основном грубый и не самый питательный корм для скота. В некоторых хозяйствах, практикующих земледелие, специально для лошадей сеяли овес, им же подкармливали кур.

Столь же рутинным обстоятельством был недостаток участков для покосов. Из высказывания жительницы среднего течения Демьянки: «*Покосов шибко хороших не было. Потому что лугов заливных там не было, по обе стороны там был дремучий лес*». Места покосов, особенно у многодворных поселений (от трех и более скотоводческих хозяйств), были известны местным жителям наперечет: это были в основном небольшие заливные долины крупных притоков Демьянки и Туртаса, лога по низинным берегам, поляны и «чистины» от старых горельников, разбросанные по окрестным лесам. В отдельные годы положение могло сильно осложняться из-за большого и длительного разлива рек. В таком случае уходили косить на более отдаленные и неудобные территории. Иногда приходилось подсохшую траву вытаскивать с полян на носилках или с большими сложностями перевозить через реку лошадей, чтобы использовать их для транспортировки копен и т.п. Зимой при отсутствии лошадей копны могли вывозить к поселку на быках, коровах или собаках. По рассказам, свора собак, запряженных в нарты, могла вывезти на нартах одну копну сена, бык способен был тащить сразу две. В урожайный год

сена старались заготовить побольше, чтобы застраховаться на случай будущего малотравного сезона. Осенью практиковался и вторичный покос, когда выкашивался следующий подрост травы (отава). Наконец, существовали экстремальные способы подкормки скота, когда травы и сена уже не оставалось совершенно. Домашних животных кормили таловой стружкой, мелкими ветками тальника, вербы и пихты. Иногда рубили на болотах мерзлые кочки, которые после запаривания измельчали и также скармливали скоту.

Таким образом, недостаток кормов и их нестабильное состояние являлись серьезным лимитирующим фактором для расширения скотоводческого хозяйства таежников. Лишь немногие семьи решали эту проблему радикальным способом: шли на тяжелейший труд по расчистке от леса новых участков для покоса на незаливных террасах. Исследователь В. Юферев, анализируя сходную ситуацию с дефицитом пастбищ и покосов у переселенцев на р. Шиш, писал, что местные жители, как правило, тоже не рисковали расширять имевшиеся покосы в лесах. Причина заключалась в том, что на расширенных участках из-за изменений условий солнечного освещения происходила постепенная смена видового состава трав. Переходный период занимал 3–4 года, на которые укос с расчищенного места существенно падал. Это временное сокращение сбора сена угрожало гибельно отозваться на состоянии скотоводства переселенцев, и без того крайне стесненных в отношении кормов [Юферев, 1907, с. 283].

Следующий пункт, на котором необходимо остановиться особо,— высокая активность таежных кровососущих насекомых (комар, овод, мошка). Показательно, что русские жители р. Демьянки выделяли в качестве значимых периодов года «комарное» и «оводное» время. Первое длилось с конца мая до середины июня, второе — со второй половины июля до августа [Васильев, 1929, с. 19]. Особое внимание народного календаря к этим периодам было продиктовано в первую очередь удобством промысла лося, обычно прячущегося в эти периоды в водоемах. Однако в отдельные сезоны чрезвычайно большое количество насекомых в сочетании с высокой температурой воздуха и отсутствием ветра становилось серьезной помехой и для домашних животных. Наиболее уязвимыми для атак насекомых были коровы и лошади, в некоторых случаях без помощи человека они могли даже погибнуть. Отсюда становится понятным, почему в глухой тайге получило широкое распространение выращивание овец. Главной защитой от насекомых был дым. Для животных разводили дымокур в местах их дневного отдыха и около стойл. С целью улучшения продуваемости пространства в самом поселении вырубались имевшиеся вокруг кусты и деревья. Сильнее всего скот страдал от укусов овода, коровы и лошади иногда находили дневное укрытие от насекомых в близлежащих озерах либо лежали весь день около дымокура. Так как животные в таких условиях практически не питались, их выпускали на вольный выпас по ночам.

При этом вновь повышалась угроза потери части животных от нападения медведей. Такое периодически случалось во всех селениях; атаковавшего скот хищника старались как можно быстрее убить, так как он обычно не останавливался на первом нападении. Отмечены и совершенно неожиданные помехи скотоводству от соседства с другими дикими животными. Например, старожилы Демьянки рассказывали, что их коров, когда те паслись у озер, распугивали местные бобры, причем делали это намеренно: подплывали поближе и громко шлепали по воде хвостом. Эта особенность поведения бобра лишь закрепляла его репутацию у местных жителей как «вредного животного», так как он нередко повреждал и рыболовные ловушки.

Так как для содержания молочных коров таежникам необходимо было иметь племенных быков (хотя бы одного на несколько близлежащих поселков), они обрекали себя на соседство с опасным животным. На первый взгляд это может показаться преувеличенной проблемой, но в условиях стесненности пространства и свободного выпаса скота угроза жизни и здоровью людей была вполне реальной. Истории об атаках буйных быков на человека и чудесных спасениях записаны в нескольких поселках на Демьянке. Истории эти тесно переплетены с таежным бытом, некоторые из них совершенно анекдотические: *«Бык у нас был сердитой сильно. Кидался. Даже потом привык на выстрел ходить. Вот, в лесу кто-то стрелит. Ага, а он идет искать. Побудаться надо. И вот он как-то один раз меня поймал у этой березы и вот мы с им ходим кругом. Я его палочкой ткну, он опять пока разворачивается, я уже во вторую сторону пройду. А я вспомнил — там шёршни, здоро-овые такие шёршни. Думаю, ведь я счас его обману. Я пробегу сначала, по гнезду ударю палочкой, а он как раз попадет в это место-то. И вот он как поймал, потом как хвост прямо сделал, в лес убежал и вот сутки не было его»* [Сводные материалы...]. Были и другие рассказы, с трагической развязкой: *«В Стариковом Ко-*

Животноводство в глухих районах южной тайги: опыт переселенцев из Среднего Прииртышья...

потилковы старики жили. Старика-то бык забудал — там свой бык. Здоровый мужчина был. Ведь надо же, подбежал, его под спину поднял, прибростил... Вырастили — он на ладонь только ниже коня был, бык-то. Дак смерть себе вырастили» [Сводные материалы...].

В условиях отсутствия профессиональной ветеринарной помощи лечение домашних животных оказывалось всецело в компетенции самих таежных жителей. При этом критичность ситуации нередко подталкивала людей к довольно смелым экспериментам. Так, одна из русских старожилок с гордостью вспоминала, как сумела спасти умирающую от тяжелых родов овцу, самостоятельно проведя хирургические процедуры. В семьях чувашей и русских отмечено также несколько случаев экстренной операционной помощи домашним птицам: *«Григорьева Елена (чувашка с р. Демьянки. — В. А.] делала петуху вот такую операцию. А я услышала. Думаю, ну-ка, раз мои наглотались сена в зоб-то полный... А сухо сено, оно же не свежее, ведь не перерабатываются. Ну-ка, думаю, я им сделаю операцию. Разрезала зобы трем курицам. Тут маленько обтеревила. Разрезала, сено повытаскала, а марганцовки уж приготовила. Промыла, там зоб завязала, зашила, там салом помазала. А через три дня они у меня из коробки стали вылазить. Жили же потом долго курицы-то» [Сводные материалы...].* Отметим, что в представленном примере среди применявшихся лекарственных средств присутствовал продукт охотничьего промысла: медвежье или барсучье сало (то и другое широко применялось на Демьянке в качестве противовоспалительного средства). Это одно из проявлений органичного сочетания добывающих отраслей хозяйства с крестьянским животноводством.

Сочетание скотоводства с другими видами деятельности

Начать нужно с упомянутой выше тесной взаимосвязи скотоводства с земледелием. При чем второе без поддержки первого в таежных условиях существовать не могло вообще. Чрезвычайно важным для сохранения плодородности почвы было удобрение ее навозом (использовался коровий и овечий), в особенности учитывая, что экстенсивный вариант земледелия с периодической сменой полей для населения глухих таежных районов был абсолютно неприемлемым. Нынешние таежники хорошо помнят рассказы предыдущего поколения о необычайной трудности расчистки участков векового леса и первичной обработки целины. К тому же вспашка земли и некоторые другие полевые работы осуществлялись с использованием домашних животных — лошадей либо быков. С другой стороны, часть продукции земледелия (овес, картофель), а также остатки еды растительного происхождения, очистки и отходы шли на корм скота.

Совмещение животноводства с охотничьим и рыболовным занятиями подразумевало разделение труда в рамках одного домохозяйства. В то время как мужчины уходили на промысел, женщины, подростки и старики оставались в селении, выполняя всю необходимую работу по содержанию скота. Иногда этой работой занимались посменно, так как подростки, а в некоторых семьях и женщины принимали самое активное участие в промысловой деятельности.

Как ни парадоксально, промысловая деятельность таежных поселенцев не только вписывалась в единый хозяйственный комплекс со скотоводством, но и могла способствовать его развитию. Свидетельство этого сохранилось в памяти нынешних потомков бывших переселенцев 1920–1930-х гг.: *«По тем ценам соболя убивали — можно было купить корову» [Сводные материалы...].* Некоторым образом домашний скот мог использоваться и для промысловых дел. Во многих местах пробовали применять домашних быков для вывоза по снегу добытого лося. Как правило, отмечалось, что быки плохо приспособлены к перетаскиванию тяжелого груза по снеговой целине, но были и удачные опыты. Один из них записан у промысловиков с р. Туртас: *«Мы мясо и на быках вывозили. Охотник лося завалит — надо за санями. Потихоньку ведешь (быка). Пройдет туда, туда-то же он не так уросит (т.е. противится). Прошел — следья застыли. Обратно уже след в след идет» [Сводные материалы...].*

Каждодневный напряженный труд всех членов семьи, сложная система организации и совмещения разных направлений хозяйственной деятельности позволили отдельным семьям наладить вполне комфортный крестьянский быт в далекой тайге. Яркой иллюстрацией служат воспоминания одного из чувашских жителей Демьянки, относящиеся к 1940-м гг.: *«Масла хватало, коров держали, все можно было сделать. У нас мама любила шаньги стряпать. Крахмал... голодно ведь было... картошку мы садили. Со сметаной ли, сливкой ли калачей состряпаешь. Сейчас бы я их поел, если бы стряпали. Из крахмала калачи» [Сводные материалы...].* Подобных хозяйств на рассматриваемой территории было немного, и их облик разитель-

но отличался от аскетичного уклада жизни соседей, отдававших предпочтение промысловой деятельности.

Животноводство и межэтнические контакты

Органичное вхождение крестьянского животноводства в таежный быт подтверждалось еще и тем, что животноводческая продукция пользовалась все большим спросом среди местных коренных народов Севера — демьянских и юганских хантов, а также эвенков. На базе торгово-обменных связей изначально быстрее устанавливались и крепились межэтнические контакты. Ханты и эвенки приобретали у переселенцев конский волос, овечью шерсть и шкуры, у юганцев пользовались хорошим спросом домашние животные для совершения жертвоприношений.

Первым животноводческим товаром, который изначально вызывал интерес у коренных жителей и подталкивал их к установлению контактов с переселенцами, был белый конский волос. Юганские ханты использовали его в качестве сторожевой нити для ловушек-черканов (волос отличался крепостью и долговечностью, а благодаря белому цвету оставался невидим для пушного зверя на фоне снега). Ханты сами приходили за десятки и сотни километров к таежным селениям, где содержались лошади, что первоначально вызывало у переселенцев удивление. Из рассказа жителя Туртаса: *«Я слышал, что по Демьянке там эти черканы есть. Они все приходили, там на охотстанциях лошадей держали, им волос конский нужен был. Они все у конюха просили. Оттуда, с Кальчи, с Демьянки они ходили»* [Сводные материалы...].

В дальнейшем контакты развивались по нарастающей, и многое зависело от складывающихся личных отношений людей разной национальности. Известно, например, что именно чуваши, переселившиеся на Демьянку, научили семью одного из демьянских хантов выделывать овчины мукой, а женщин-юганок из соседнего поселка — прядь шерсть и вязать. В настоящий момент уже большинство юганских хантыек на Демьянке владеют навыками вязания (обычно спицами, реже — крючком). Наиболее распространенная вязаная продукция — шерстяные носки.

В памяти русских и чувашей сохранилось много историй о приобретении у них хантами животных (в основном овец, в одном случае — лошади) для совершения жертвоприношений. Сами кровавые сцены, а иногда и кажущаяся бессмысленность убийства домашних животных производили на переселенцев неизгладимое впечатление. Так, чуваша с недоумением рассказывала, что некогда сосед-хант купил у них гнедого коня, продержал его около трех лет, а после принес в жертву на священном месте: *«Коня на богомолье зарезал, на вершине Малой Таморги. На лошади-то так не ездили, а сено ей косил»* [Сводные материалы...]. Популярность овец в качестве жертвенных животных объясняется тем, что они в этой функции выступали для хантов эквивалентом оленя, причем с постепенным сокращением оленьих стад такое положение только закреплялось.

Интересно, что после окончательного исчезновения в 1970-х гг. оленеводства у юганских хантов на Демьянке они через некоторое время стали сами пробовать свои силы в содержании овец. Сегодня в двух из семи своих демьянских селений юганцы разводят овец (в пределах 5–10 голов), мясо которых идет в пищу, а шерсть используется для вязания. Понятно, что для освоения овцеводства хантам понадобилось не только научиться всем работам, связанным с уходом за новым для них домашним животным, но и в существенной степени перестроить всю организацию хозяйства, сблизив ее с переселенческой.

Аналогичные процессы сближения происходили и с другой стороны. Причем некоторые инициативы были весьма смелыми: один из демьянских чувашей в 1950-е гг. имел планы заняться оленеводством. В течение нескольких лет он осваивал необходимые навыки: помогал хантам-олeneводам в осеннем поиске и ловле оленей, протаптывании зимних троп, учился управлять оленьей упряжкой, однако приобрести оленей так и не решился.

На практике итоговая значительная унификация таежного хозяйственного комплекса переселенцев из Омского Прииртышья и народов Севера выразилась в постепенном исчезновении или значительном ослаблении позиций наиболее «полярных» отраслей хозяйства: оленеводства, содержания лошадей и коров, хлебопашества. Сегодня основными видами хозяйственной деятельности для таежников, независимо от национальности, являются охотничий и рыболовный промысел, дополняемые огородничеством и иногда животноводством (овцеводство — самая популярная отрасль), у всех на угодьях есть несколько избышек, в которых люди живут, отправляясь на сезонный промысел. Примечательно, что в первой половине XX в. значительно больше сходства в хозяйственном отношении с местными народами Севера имели не пересе-

ленцы, а сезонные промысловики из Прииртышья. Последние нередко точно так же проводили в тайге продолжительное время (от нескольких месяцев до полугода), не были обременены заботами о домашнем скоте и огороде. Главными причинами сближения, вероятно, стали: 1) значительное снижение территориальной изоляции, которая в свое время подразумевала существенную натуральность хозяйства и интенсивное включение всех доступных этнической группе отраслей деятельности; 2) налаживание и закрепление прочных межэтнических контактов и связей (в том числе брачных).

Заключение

Жизнеобеспечение сибирских старожилов в бытность их в Омском Прииртышье опиралось на земледелие и скотоводство, кроме того, они активно занимались рыбной ловлей и охотой. Те же занятия многие из них продолжили практиковать в урманах Туртаса и Демьянки, но в разившейся со временем форме это был уже существенно отличающийся хозяйственный комплекс. Изменилась не столько его структура, сколько приоритет отдельных направлений, а конкретно для животноводства — и функциональное значение его отраслей. Животноводство, как показывают материалы данного исследования, требовало существенной адаптации для успешного развития в условиях глухой тайги, и масштаб необходимых коррекций в практической деятельности, а также объем новых знаний, которые должны были освоить таежные скотоводы, был достаточно велик.

Важно, что такое преобразование хозяйства, где охотничье-рыболовецкая специализация деятельности успешно сочеталась с крестьянским животноводством (и поддерживаемым им земледелием), обеспечивало надежную экономическую опору для жителей урманных территорий, позволяло избежать голода в случае природных катаклизмов, эпизоотий и неудачных промысловых сезонов. Подтверждением успешности данного хозяйственного комплекса стало его постепенное распространение на все этнические группы, живущие сегодня в рассматриваемом таежном ареале на постоянной основе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Полевые материалы Повод Н.А., Усть-Ишимский и Тевризский районы Омской области, 2005 г.
Сводные материалы полевых сборов по Уватскому району, 2000–2012 гг. / В.Н. Адаев.

Литература

- Адаев В.Н. Этнолокальные модели и индивидуальные стратегии экологической адаптации: (Бассейн р. Демьянка, 1930–1980-е гг.) // УИВ. 2010. № 2. С. 125–135.
- Бережнова М.Л. Первые шаги на новой родине: Новые модели природопользования белорусских переселенцев в урмане // Изв. АлтГУ. 2009. № 4/2. С. 32–36.
- Бетхер А.Р. Традиционное хозяйство немцев Западной Сибири в конце XIX — первой трети XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. 26 с.
- Букейханов А. Переселенцы в Тарских урманах // Сиб. вопр. 1908а. № 11. С. 1–9.
- Букейханов А. Переселенцы в Тарских урманах // Сиб. вопр. 1908б. № 12. С. 7–12.
- Васильев В.В. Река Демьянка: Экономико-этнографический очерк. Тобольск: Тоб. гостипография, 1929. 36 с.
- Вибе П.П. Тарский опыт освоения немцами-колонистами таежных пространств Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Россия и Восток: История и культура: Материалы IV Междунар. науч. конф. Омск, 1997. С. 103–112.
- Копылов И.П., Погудин А.А., Романов Н.Я. Промысловое хозяйство туземного и русского населения в верховьях Нижней Тунгуски. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2009. 148 л.
- Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 200 с.
- Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
- Повод Н.А. К вопросу о влиянии структуры расселения на этнические процессы мигрантов (на примере коми Западной Сибири) // Академ. вестн. № 1. Тюмень: Тюм. гос. ин-т мировой экономики, управления и права, 2008. С. 123–132.
- Проблемы освоения Севера Западной Сибири / Под рук. и общ. ред. С.Я. Эдельмана. Новосибирск: Зап.-Сиб. краев. изд-во, 1935. 262 с.
- Фатеев В. В краю таежном: Очерки истории села Усть-Ишим и Усть-Ишимского района. Омск: Омич, 1996. 208 с.

В.Н. Адаев

Фурсова Е.Ф. Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX — начала XX вв. // Белорусы в Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 102–124.

Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII — начале XX в.: (К постановке проблемы). Новосибирск: Сиб. науч. кн., 2005. 192 с.

Шпорт А.М. Хозяйство и традиционно-бытовая культура украинских переселенцев в Западной Сибири (Тоболо-Иртышское междуречье): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 24 с.

Юферев В. Переселенцы в Тарских урманах // Вопр. колонизации. 1907. № 2. С. 272–300.

Тюмень, ИПОС СО РАН
whitebird4@yandex.ru

The article considers contents and mechanism of adaptation processes in the cattle production economy with new settlers (Russians, Chuvashes, Poles) from south taiga territories remote from the main river arteries. Subject to introduction being questions of animals' delivery, fodder supplies, protection from blood-sucking insects, presence of wild animals, home veterinary medicine, care of breeding bulls. The author comes to a conclusion on an important role of the peasant cattle production in the shaping of an economically reliable household complex which ultimately became the common one both for settlers and local northern peoples.

Taiga cattle-breeding, new settlers, economic adaptation, Demyanka, Turtas, Middle Low Irtysh basin.